

★ БИТВА ★

РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ В СИРИИ

БАТАЛЬОНУ

НАЖИВКА ДЛЯ РЕЗИДЕНТА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Битва за Пальмиру. Российский спецназ в Сирии

Сергей Зверев

Наживка для резидента

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Наживка для резидента / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2017 — (Битва за Пальмиру. Российский спецназ в Сирии)

ISBN 978-5-699-96097-2

После гибели одного из главарей экстремистов остался архив, разоблачающий действия спецслужб США на территории Сирии. На поиск убийственного компромата американцы бросили свои лучшие оперативные силы. Но и ГРУ не дремлет. По следам секретных документов отправлена группа спецназа подполковника Силина, позывной «Барс». Противники изобретательны и беспощадны в своих действиях. Еще немного, и столкновение перерастет в открытый военный конфликт... И лишь немногие знают, что архив – это всего лишь наживка, первая часть сложной операции, задуманной российскими спецслужбами.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96097-2

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Наживка для резидента

Часть первая

Удар с моря

Глава 1

Он остался жив. Я убрал палец со спускового крючка. Судьба распорядилась, чтобы чабан, чьи бараны паслись на склоне горы, еще потоптал подошвами эту землю. Но многим сегодня здесь так не повезет. Смерть уже занесла свой серп.

Мы надежно окопались, кротами ввинтились в почву. Нас никто не должен видеть – ни местный земледелец, ни случайно забредший на склон горы чабан. Наказание за случайный неосторожный взгляд одно – смерть. Таковы правила нашей работы, и слезинка ребенка тут не катит, у нас другие законы. Наше верховное божество – выполнение боевой задачи. А божок поменьше – случай – решит, кому сегодня жить, а кому умереть. И определит, удастся ли мне вывести из огня мою группу, когда сюда придет ад.

– Оп-па, – негромко воскликнул лежащий рядом со мной рядом Рад. – Первые ласточки.

К месту операции мы вышли заблаговременно и замаскировались на местности. Мой командный пункт размещался на поросшем жестким кустарником склоне. Вокруг зеленели холмы и вырастали разрушенные зубы скал. На север тянулись неубранные кукурузные поля – их хозяева отсюда выбиты войной. Но жизнь в окрестностях еще какая-то теплилась. И я, увидев, как к разграбленной пустующей ферме приближается кавалькада пикапов, произнес с угрозой:

– Ну что, добро пожаловать, покойнички.

В колонне прибыло почти три десятка басмачей. И нам оставалось только молиться, чтобы они не наткнулись на нас.

Бандиты тщательно проверили ферму, пару глинобитных зданий на предмет мин и закладок. Ничего не нашли, конечно. Мы сегодня тихие рыбешки, которые должны только вовремя шевельнуть плавником и привлечь внимание большой акулы.

Душманы осмотрели близлежащие холмы. Но до нас не дошли, маскировку нашу не вскрыли. И успокоились.

В следующие полтора часа я мог наблюдать, как на ферму съехались еще несколько моторизованных групп моджахедов. Но они не наша цель. Наша цель куда более весома. И ее пока здесь нет.

Мы прождали еще час. И вот с ветерком, поднимая пыль, подкатил массивный бронированный внедорожник «Кадиллак Эскалэйд». Когда-то эта машина принадлежала министру обороны Сирии и была захвачена Халифатом в качестве трофея. Один из моджахедов, подбостранно кланяясь, подскочил к внедорожнику, распахнул дверцу. И на землю ступил сам Шалгам Ахмед, огромный, чернобородый, с шашкой на боку, в разноцветных восточных одеяниях – колоритная фигура, истинный воин Аллаха. Бывший имам, не слишком авторитетный в богословских кругах, он нашел себя в джихаде, а за свои габариты и прежний род деятельности получил кличку Большой Имам.

– Есть, – аж завибрировал от ощущения торжества Рад. – Прибыл, господин хороший. Тебя-то мы и ждем с нетерпением.

Большой Имам был нашим объектом. Ради него мы врылись в эту землю. Ради него отмерили шагами десятки горных километров. Задание наше было простое – ликвидация.

Большой Имам похлопал по капоту своей машины. Он испытывал к ней слабость, как к норовистому чистокровному коню. Этот «Кадиллак» не раз становился мишенью, потому что все знали, чей он, но полевой командир не оставил своего любимого «рысака». Хотя в последнее время использовал это транспортное средство больше в качестве парадного лимузина для важных встреч типа той, которая проходила сейчас.

Мы ждали Большого Имама долго. Вообще, время относительно. Для городской суеты с работой, кафешками, посиделками на кухне двое суток, конечно, не срок – жизнь скользит легко, по гладко накатанной колее. Но когда ты сливаешься с ландшафтом и боишься лишний раз вздохнуть, чтобы не выдать себя, время тянется болезненно медленно. Особенно тяготит, когда дичь запаздывает и не желает лезть в силки. Хотя тут ничего не поделаешь. Охота – удел терпеливых. И мы дождались!

Басмачи суетились. Пошли обнимашки, похлопывания по плечам, улыбочки – встреча старых друзей-кровососов.

Как поет Высоцкий:

Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.
Страшно, аж жуть.

У басмачей давно наметился раскол, который в последнее время усугубляется, что, конечно, отрадно, но пока на общей боеспособности Халифата не сказывается. Радикальная часть ревнителей истинной веры начала выставлять претензии группировке, неформальным лидером которой являлся Большой Имам, за непотребные связи с неверными и потакание врагам ислама. И обстановка накалялась. Этот вопрос и будет сегодня обсуждаться.

Когда протокол был соблюден, доблестные воины ислама отправились в дом. Ловушка захлопнулась.

– Работай, – бросил я Раду.

Его пальцы отбили дробь на клавиатуре тактического устройства, вводя код. Сигнал ушел в Центр. И громоздкая русская военная машина пришла в движение.

– Есть отчет, – четко отрапортовал Рад.

Это означало, что с малого ракетного корабля «Зеленый Дол», бороздящего Средиземное море в составе российской военной эскадры, ушла в небо крылатая ракета комплекса «Калибр-НК».

Я представил, как басмачи в доме цветисто и неторопливо распинаятся в уважении друг к другу – это такой восточный ритуал, предшествующий серьезной беседе. И неведомо им, что через считанные минуты местный пейзаж претерпит серьезные изменения.

Ну вот и начинается заключительный акт нашей небольшой пьесы, которую я, да простит меня уважаемый классик Антон Павлович Чехов, назвал бы «Драма на охоте». Театральная сцена – Сирийская Арабская Республика. Время действия – затяжной период гражданской войны и агрессии Халифата. Действующие лица: я, подполковник Силин, позывной Барс, волею судеб командир группы спецназа ГРУ МО России «Бриз». И мои ребята, которые недаром считаются лучшими из лучших. Это русский медведь Князь – мой заместитель, он же медик, пулеметчик. Рад – худощавый, ботанского вида связист, самый молодой член нашего небольшого коллектива, технический кудесник и вообще дитя-индиго да на все руки мастер. Утес – чеченец, снайпер, ему уже за сорок лет, то есть в нашем деле, считай, уже аксакал. Бек, его земляк, ровесник, бывший террорист и подрывник от бога. Это что касается положительных героев. Отрицательный персонаж у нас один – Большой Имам, из числа самых кровавых

полевых командиров Халифата, отметившийся расстрелом нашего летчика месяц назад, за что ему наш отдельный привет. Ну еще здесь масса народа – это статисты, которым на сцене в лучшем случае доверяют сказать «кушать подано» и «Аллах акбар». Конечно, если их станет сильно меньше, это будет приятный бонус к основному призу – голове Шалгам Ахмеда...

Смертоносное тело ракеты взрезало воздух, как белая акула рассекает океанские воды – так же мощно, стремительно. И как акула, ощутив запах крови, устремляется к добыче, обретая четкое направление своего движения, так и ракета, уловив импульс, обрисовавший контуры маршрута, нашла смысл своей недолгой активной жизни и устремилась на цель. Потом, получив лазерную подсветку с земли, она ринется к тем, для кого она предназначалась, с кем должна была слиться в огненном объятии. И не было в мире силы, способной остановить ее.

– Давай, родимая, мы тебя ждем, – ласково ворковал Рад, возясь с устройством наведения.

Рад, пожалуй, лучший из известных мне специалистов по целеуказанию для высоко-точного оружия. А я – лучший спец по тому, чтобы вывести разведывательно-диверсионную группу на цель. И все наши таланты вместе направлены на то, чтобы не оставить объекту ни единого шанса.

– Сигнал прошел, – щелкнул пальцами Рад, возившийся со своей хитрой аппаратурой. – Цель захвачена... Тик-так. Стучат часы.

– Сколько осталось? – спросил я.

– Недолго... Ну торопись, железяка, тут тебя ждет добрый обед!..

Семиметровая ракета появилась с запада. Она летела низко, огибая местность, почти невидимая.

Рад навел на мишень лазерный целеуказатель нового поколения, похожий на гипербо-лоид инженера Гарина – легче в два раза, чем старые модели, но все равно весящий около десяти килограммов. Объект подсвечен...

Ба-ба-х-х – горы содрогнулись.

В десяточку!

Там, где только что была ферма, вспух пыльный серый цветок, который разрастался и чем-то напоминал ядерный взрыв. Четыре сотни килограммов взрывчатки – это эффективно. И эффективно. Тем более что удара никто не ожидал, бомбоубежищ здесь не предусмотрено. Глиняный дом сдуло, как соломенную избушку поросенка Ниф-Нифа.

В ракетном ударе есть что-то сверхъестественное, прямо библейское. Будто сам Господь обрушивает кару на Содом и Гоморру. И в такие моменты я ощущал себя уже не охотником, а ангелом, подводящим черту.

– Сделано! – кивнул я.

Конечно, бандит – тварь очень живучая. Но проверять эффективность удара мы не можем. Я уверен, что в доме никто не выжил, и Большого Имама сейчас тащат черти в ад. Счеты с ним закрыты.

В живых осталась часть банды, рассредоточившаяся по местности. Эти ребята могут, если в курсе технологии нанесения таких ракетных ударов, устроить прочесывание и преследование спецгруппы. Поэтому делать нам тут больше нечего. Пора прощаться.

– Уходим, – произнес я и нажал на танкету рации, давая сигнал отхода...

Еще не успела осесть пыль от взрыва, а наша веселая компания уже бодро топала к точке эвакуации.

– Давай, спецназ, шевели копытами, – прикрикнул я.

Родные горы. Сирия. Пыль. Смерть. Казавшаяся близкой, но все отдаляющаяся победа с самыми отборными мировыми отбросами.

Через час мы наткнулись на группу из десятка до неприличия увешанных оружием боро-
датых моджахедов в национальных одеждах. Они на ослах неторопливо ехали по каким-то
своим делам напрямиком через горы.

По-джентльменски разойтись с ними не удалось. Кто они – мы так и не узнали. Но не
свои – это факт. Нет своих на этой территории.

Мы их заметили раньше. Залог успеха – делать все раньше и лучше противника, пусть
хоть на немного, на ниточку, но лучше.

Поэтому мое сознание еще охватывало факт неприятной встречи, а руки уже делали свое
дело. Короткой автоматной очередью я срубил ближайшего моджахеда. Ребята начали рабо-
тать по остальным. Двое противников попытались уйти в горы. Бек и Утес двинулись за ними,
и вскоре все было кончено. Безжизненные тела моджахедов, над которыми отчаянно вопил
перепуганный, чудом выживший ишак, остались позади, на радость шакалам. А мы продол-
жили путь.

К точке эвакуации мы вышли минута в минуту. Точность – вежливость не только королей,
но и спецназа. А иногда и вертолетчиков – вертушки тоже появились вовремя.

Вертолеты увеличились в размерах, оскверняя вечную тишину этих гор непотребным
ревом двигателей.

«Ми-8» сел на ровную каменистую площадку, а два «крокодила» реяли в воздухе, гото-
вые порвать на части всякого, кто приблизится ближе чем на пять километров – грозные, хищ-
ные ударные вертолеты, настоящие защитники гонимых, то есть нас.

И вот мы уже внутри «восьмерочки» – для кого-то, может, и гулкой, тряской, некомфорт-
ной, но для меня такой привычной и родной, как верная крестьянская лошадка.

Внизу потянулись невысокие горы, перемежаемые равнинами. Для художника это кра-
сивый пейзаж. Для меня – театр военных действий.

– Ну что, охотники, с удачной вылазкой, – произнес я, разглядывая прислонившихся к
трясущейся стенке моих ребят.

Уже несколько месяцев мы охотимся на полевых командиров Халифата и прочих тер-
рористических шарашек. С учетом нашего опыта мы получаем задания на самую жирную и
труднодоступную дичь. И пока по результатам – мы лучшие из всех аналогичных разведыва-
тельно-диверсионных групп, которые наводят шорох в этих краях.

– Не сглазь, – сказал Князь. – Еще не приземлились.

Не сглазил. Долетели мы до аэродрома Хмеймим, где дислоцировалась группировка рос-
сийских ВКС, без приключений. И вот мы уже тяжело шагаем по бетону полосы. Мы пропи-
тались злобой и ненавистью, гарью войны, на наши ботинки чугуном налипла пыль местных
дорог. Мы вернулись с очередного боевого задания. Со щитом, а не на щите.

Чтобы мы не светились на базе в полной красе – со спецназовскими стволами, в мас-
кировочном изношенном камуфляже, нам подогнали наглухо закрытую «Газель». Я прика-
зал ребятам сдавать оружие, снаряжение и двигать в распоряжение, а сам отправился в штаб.
Коротко отчитался перед куратором полковником Родченко. Удостоился крепкого рукопожа-
тия и заверений о представлении всей группы к госнаградам. И узнал о ближайших планах
руководства...

– Послезавтра в Чкаловский, – объявил я, заходя в жилой модуль, приютившийся в самой
дальней точке авиабазы.

Нам уже давно пора домой. В скуку замершей между временами перемен и ждущей чего-
то Москвы. Я знаю, что там нам вскоре захочется снова на охоту, но, возможно, что нам долго
не предоставят такой возможности. Руководство уже намекало, что мы слишком вжились в эту
войну и пора нам отдохнуть от бесконечных поисков, диверсий. Перерыв обещали длительный.
Значит, будет учеба, нескончаемые тренировки, оттачивание навыков и наработка физической

формы, которая, в отличие от звериного чутья, вовсе не росла от бесконечных боевых выходов, марш-бросков и полуголодного существования во время вылазок на территорию противника.

Мои слова вызвали заметное оживление.

– Мы вообще как космонавты, возвращающиеся с орбиты, – сказал Рад. – Точнее, с другой планеты.

– Где боролись со злобными инопланетянами, – поддакнул Князь и мечтательно протянул: – Домой, домой, стучат колеса...

Глава 2

База частной военной компании «Группа АНТ» являлась одновременно штабом по координации деятельности всех подразделений этой организации на Ближнем Востоке. Полтора года назад она передислоцировалось из Саудовской Аравии в провинциальный город Аль Кариб.

Еще недавно Аль Кариб был обычным тихим восточным городом с полумиллионом жителей. С учетом благодатной природы, близости моря, наличия старинных мечетей и античных памятников у правительства страны имелись амбициозные планы по привлечению туристов, строительству отелей. Но неожиданно иностранные гости хлынули туда сами – бурным мутным потоком.

Волею судеб Аль Кариб находился почти на границе с Сирией, и с началом там широкомасштабного конфликта стал магнитом притягивать тех, кто имел отношение к войне. Теперь здесь постоянно мельтешили представители невнятных международных политических, благотворительных организаций, журналисты, разные врачи без границ и красные крестonosцы. Ну а также толкался всякий сброд, пытающийся добраться до Сирийской Арабской Республики, чтобы всласть повоевать там, или бегущий оттуда – их потоки направлялись умелой и сильной рукой, с которой власти сделать ничего не могли. Местных жителей, которые уже были и не рады возросшей торговле, сильно нервировало, что агрессивные и угрюмые пришельцы как-то неодобрительно смотрят на здешние порядки и по-хозяйски присматриваются к городу – а не пора ли и тут запалить факел джихада. Напряжение было разлито в воздухе.

Заметно увеличилось военное присутствие на авиабазе США, располагавшейся в двадцати километрах от города. Туда были переброшены дополнительные вертолеты «Апач», самолеты «Ф-16», укреплен ПВО. Да еще для полного комплекта появилась база наемников.

Логово ЧВК представляло собой типичную войсковую часть с казарменными строениями, стрельбищем, полосой препятствий, гаражами, складами оружия. Здесь жили, тренировались солдаты удачи – битые жизнью волки, как правило, в прошлом бойцы сил специальных операций. Отсюда они уходили на боевые задания, из которых иногда не возвращались.

Слово «частная» в названии организации было лукавым. Частных войн не бывает, а если и бывают, то это не те войны, о которых пишут в учебниках истории. Давно ни для кого не секрет, что значительная часть из четырех сотен функционирующих в мире ЧВК – это не что иное, как залегендированные подразделения различных разведок или сборища наемников, работающих на те же разведки. Им поручалась самая грязная работа. Ведь государство не отвечает за частных. И частного всегда можно слить во избежание международных скандалов.

Что касается «Группы АНТ», то она с первых дней своего основания являлась придатком ЦРУ. А руководитель ее ближневосточного филиала Дункан Батлер успешно совмещал свою работу с должностью резидента главного разведывательного ведомства США и отвечал за проведение львиной доли спецопераций в Сирии.

– Пятнадцать лет я торчу в этой дыре, Алан, – вздохнул Батлер.

Это был плотно сбитый невысокий мужчина лет пятидесяти, краснолицый, с маленькими свинячьими глазами и такой же свинячьей короткой шерстью, заменявшей ему прическу. Он развалился в огромном кресле, в лучших ковбойских традициях положив ноги на просторный письменный стол.

Его кабинет занимал сорок квадратных метров на последнем этаже трехэтажного бетонного корпуса. Мебель в кабинете была старомодная – книжные шкафы, стулья из резного красного дерева, пара диванчиков на гнутых ножках. На полу стоял деревянный глобус, использовавшийся в качестве бара. Диссонировали с ретрообстановкой новенький компьютерный

двадцатидюймовый моноблок с мышью и клавиатурой и двухметровый телеэкран, отображавший сейчас карту региона с множеством пометок. За деревянными панелями стен была скрыта самая современная аппаратура, исключавшая подслушивание и подглядывание за хозяином кабинета.

– Сегодня ровно пятнадцать лет, как я бью и убиваю местных дикарей для их же блага. И что, я не имею права на мой маленький праздник? – продолжил Батлер и сделал из бокала небольшой глоток хорошего виски. У него был повод и выпить, и напиться. Выпить – потому что сегодня своеобразный юбилей. А напиться – потому что этот день не обошелся без потерь.

– Имеете, – невозмутимо произнес заместитель резидента Алан Андерсон, высокий, статный голубоглазый блондин атлетического сложения, по виду – истинный ариец, как его представляла немецкая пропаганда, а по гражданству американец в четвертом поколении. Он сидел на обитом красной кожей стуле с высокой спинкой, выпрямившись, будто кол проглотил, и внимал начальству.

– Так какого же черта, Алан, вы портите мой праздник? – поинтересовался Батлер.

– Наверное, потому что обстоятельства выше нас, – все так же спокойно произнес Андерсон, только что сообщивший боссу о том, что русская ракета накрыла в Сирии Большого Имама.

– Выше, – кивнул Батлер. – Эх, если бы не чертовы обстоятельства...

– Большого Имама, конечно, жаль.

– Вот тут вы ошибаетесь, мистер Андерсон. Мне его не жаль. Одной грязной обезьяной стало меньше. Мы найдем другую грязную обезьяну. Только не скомпрометировавшую себя массовыми казнями.

Андерсон кивнул, соглашаясь. Он всегда соглашался, потому что не соглашаться было чревато, учитывая некоторые психологические особенности босса. Батлер, специализирующийся на Сирии, давно мечтал оставить от этой страны одни головешки, что постепенно превратилось в навязчивую идею. Руководство видело его одержимость, но считало, что пока она идет только на пользу делу. Хорошо иметь сотрудника, который готов на все, пусть и ради сверхценной идеи. Как все одержимые, Батлер давно перестал воспринимать какие-либо возражения.

– Но этот мерзкий бабуин успел хорошо нагадить нам, – продолжил резидент.

– Как именно? – спросил Андерсон.

– Алан, мы с вами слишком тесно связаны, чтобы напоминать о конфиденциальности данной информации. Это, надеюсь, понятно?

– Более чем, – губы Андерсона тронула легкая кривая усмешка. Действительно, за четыре года, что он здесь, босс сумел его втянуть в такие дела и опутать такой липкой паутиной, что теперь если им и суждено пойти на дно, то только вместе. Как в сказке – жили счастливо и умерли в один день.

– По имеющейся у меня информации Большой Имам все долгие годы нашего сотрудничества собирал материал по нашим отношениям, не всегда вписывающимся как в международное право, так и в законодательство США, – витиевато изрек резидент. – И преуспел в этом. Он считал, что это гарантия на тот случай, если наша дружба даст трещину.

– И давно вы об этом узнали?

– Год назад. Но помешать уже ничем не мог.

Батлер снял ноги со стола, яростно, со стуком, поставил на стеклянную поверхность бокал, прошелся по кабинету, глубоко вздохнул и выдохнул, сжав кулаки и выдавливая из себя разрывающую грудь ярость. Остановился у окна с пуленепробиваемыми стеклами, из которого открывался благостный вид на зеленые холмы, финиковые рощи и кукурузные поля, разрезанные ирригационными каналами.

– Там действительно много материалов компрометирующего характера? – поинтересовался Андерсон.

– Достаточно, чтобы довести до инфаркта специальный комитет Сената США. Впрочем, даже если дойдет до нашего непосредственного руководства... Не простят нам... Нам, Алан. Нам. Мы с вами вместе в этом зависшем над пропастью автобусе.

– Надо найти архив. Пока о нем не узнал кто-то еще.

– Если его найдут сирийцы или русские... – Батлер снова взял бокал и отхлебнул виски – на этот раз глоток вышел побольше. – Алан, я вам доверяю. У вас в голове не опилки, а идеи... Надо подключить всех наших людей. Мы должны узнать, где этот архив.

– Мы найдем его, – заверил Андерсон.

– Это серьезное дело, Алан. И серьезные премиальные.

Заместитель резидента кивнул. Обычно серьезные дела заканчивались весомым прибавлением на его офшорных счетах. У Батлера было множество недостатков, но жадность среди них не значилась...

Андерсон был, несомненно, талантливым оперативником. Голова у него работала как хороший компьютер. Он моментально просчитывал варианты и выдавал пути решения проблем. И, выйдя от босса, начал действовать незамедлительно.

За последующие дни он поставил на уши всю свою агентурную сеть. Ему пришлось дважды нырять на территорию Сирии, чтобы лично встретиться с источниками информации. Конечно, это было опасно, но иначе никак не получалось. Разведка – это вообще рискованное дело. Но он привык, что вся его жизнь – русская рулетка.

Кстати, о русских. От надежного источника на их базе пришла первая значимая информация. Андерсон был шокирован, проведая, что русская разведка уже в курсе существования архива Большого Имама и тоже активно ищет его.

Батлер, узнав об этом, разразился такими проклятиями, что Андерсон, лощеный и высокомерный выпускник элитного Йельского университета, невольно заслушался, дивясь чудесным лексическим оборотам. Босс поднялся с самого дна, с Бронкса в Нью-Йорке, состоял в молодежных бандах и никогда не стеснялся ни в действиях, ни в выражениях. Но сегодня он превзошел сам себя.

– Эл, мальчик мой. Мы должны опередить этих проклятых свинячьих ублюдков! Нам еще не хватало только русских! Эти тифозные портовые шлюхи со своими бомбардировщиками и ржавыми ракетными лоханками и так сидят у меня как шкот в горле! Алан, мать вашу, мы должны их опередить!

– Опередим, – заверил Андерсон, у которого были основания утверждать это.

Но опередить не удалось. Еще через день пришла информация из самого логова российской военной группировки в Сирии, что русской агентуре удалось захватить часть злосчастного архива.

– Это что, мы продули призовой забег? – Батлер остановился посреди своего кабинета, вперив тяжелый взгляд в стоящего по струнке заместителя.

– Нет, сэр, – отчеканил тот.

– У вас есть какие-то дельные предложения, кроме того, чтобы застрелиться?

– По моей информации, агенты противника еще не добрались до цели.

– То есть они еще плетутся по сирийским холмам и долинам с архивом в чемодане на колесиках? – хмыкнул Батлер, сочившийся язвительностью.

– Да. И у нас есть хорошая возможность их перехватить.

В двух словах Андерсон ввел босса в суть ситуации. И по мере изложения лицо резидента светлело.

– Полетите лично вы, Алан, – воодушевленно произнес Батлер. – Кроме вас, никто не должен касаться бумаг. И не рекомендуем лазить в них. Вам же будет спокойнее.

– Есть, сэр.

Батлер благосклонно кивнул. Он знал, что его помощник неукоснительно выполнит приказ. Этот парень слишком умен, чтобы совать нос в такие тайны.

– Используйте любые имеющиеся у нас средства, – Батлер сжал пальцами плечо «арийца». – Я жду вас с победой, мой мальчик. Не подведите. Не разочаровывайте старика.

Глава 3

– Капитан, вы меня не уважаете, так уважайте хоть мой мундир! – услышал я голос позади себя и с интересом обернулся.

Передо мной стоял полноватый, с одутловатым лицом подполковник в такой образцово-показательной отутюженной военной форме, что хоть сейчас ставь манекеном на выставку новинок обмундирования. Ба, новичок! Видимо, прибыл по очередной замене. Министерство обороны стремилось пропустить через войну в Сирии как можно больше народу, чтобы обкатать в боевых условиях. Сами военные стремились сюда для героической записи в личном деле и корочки участника боевых действий. К последней прилагались всякие бонусы типа бесплатного проезда на троллейбусе и двух тысяч ежемесячных рубликов – немного, но приятно. Так всегда бывает на войне – к незаменимым специалистам и окопным воякам обязательно приседаются бесполезные тыловые и штабные крысы, большая часть которых, впрочем, относится к жизни философски и не лезет со своим уставом в чужой монастырь. Но есть и те, кто пытается отличиться бескомпромиссной борьбой за дисциплину и порядок, и им тут раздолье, поскольку воюющая армия имеет обычно вид, далекий от образцово-уставного. Сирийская пыль и жара со временем это лечат. Но некоторые особо одаренные службисты продолжают упорствовать в своем стремлении, чтобы все было прямо и перпендикулярно, и становятся популярными клоунами, на которых собираются посмотреть со всей базы. Самое забавное начинается, когда клоуны обладают хоть сколько-нибудь весомыми звездами.

– Я с вами разговариваю, товарищ капитан. Вернитесь и представьтесь, – строго произнес новичок.

Я наткнулся на него, когда выходил из деревянной часовни, построенной сразу после прибытия русского контингента на базу Хмеймим. На этой сумасшедшей войне, в которой нашими противниками являлись религиозные фанатики со всего мира, я взял привычку, по возможности, ежедневно заходить в православную часовню, где ведет службу наш любимый войсковой батюшка, и ставить свечи. Этот ритуал помогал обрести душевное равновесие и четче осознать смысл всего происходящего. И я был не один такой – в часовне постоянно толпился народ. На выходе из нее, в задумчивости забыв натянуть на голову форменную кепку, я и наткнулся на этого рьяного службиста, которому не отдал воинское приветствие.

– Капитан Завьялов, командир прикомандированной технической группы. – Я напялил кепку, лихо козырнул, преданно пожирая глазами подполковника.

Обосновавшись четыре месяца назад на авиабазе ВКС, мы получили новые имена и звания. На погонах у меня теперь четыре звезды – целый капитан. Как ни странно, маленькие звездочки мне по душе – они вызвали ностальгию о далеких временах, когда я был молод, энергичен и горяч. Рад надел погоны прапорщика, что воспринял весьма кисло, потому что стал предметом шуточек – мол, все, что создано русским народом, принадлежит прапорщику. Остальные превратились в старлеев. Понижение в статусе особых неудобств не вызывало, зато позволяло затеряться среди бесчисленного количества таких же незаметных винтиков войны.

Мой преданный вид не размягчил суровое сердце образцового подполковника. Он, наоборот, распустил крылья от ощущения собственной значимости. М-да, очередная дубина с головой, перфорированная статьями устава.

К дубам я отношусь терпимо и даже с долей уважения. Чем больше в армии дубов, тем крепче оборона. Для того чтобы цементировать сыпучую армейскую консистенцию, дубильные вещества просто необходимы. Какие латиноамериканские страсти, какие цветы могучего упрямства, какие драматические сюжеты только не возрастают на этой почве. Дуб в армии необходим. Так же, как и фронтеры, и нарушители дисциплины. Так что я ему подыгрываю, тем более что устав никуда не выкинешь. И нашу легенду я не имею права нарушать. Да и армия

– это целый мир, местами смешной, местами злоеущий, но в целом любимый мной – единственно возможная для меня среда существования.

Так что я подтянулся. Привел себя в порядок, перестал быть похожим на закрутевшего дембеля. И выдал:

– Виноват, товарищ подполковник.

– Доложите своему непосредственному командиру о замечании для получения взыскания.

– Есть.

– Кто ваш руководитель?

– Полковник Родченко из штаба. Подчиняюсь непосредственно ему.

– Я ему сам доложу.

Понятно, подполковник решил выслужиться. Продемонстрировать рвение. Жалко, не увижу продолжения. Зная Родченко, который терпеть не может, когда лезут в его епархию, выслужиться этому забавному субъекту вряд ли удастся. Зато матюгов, угроз и пророчеств о бесславной карьерной кончине он выслушает сполна. Я невольно улыбнулся.

– Вам смешно, товарищ капитан? – тут же отреагировал подполковник.

– Никак нет. Разрешите идти?

– Идите.

Настроение мое приподнялось. Все-таки в лицедействе, когда играешь чужую роль и находишь при этом зрителей, есть что-то донельзя притягательное. Недаром люди так стремятся в артисты. Ну а вся моя жизнь – балаган, и я в ней актер, а часто и режиссер.

Над головой загудело. На посадку заходило звено штурмовиков – отбомбились по очередным позициям боевиков, которых наша авиация перемолола многие тысячи, но конца и края им все не видно.

Мой путь лежал к авиаторам.

Два дня после завершения поисковых мероприятий мы собирали вещи, подбивали бабки, сдавали имущество – тысяча тыловых забот, которые за нас никто не сделает. Мы числились техническим подразделением, занимающимся непонятно чем – таких на базе немало из более чем тысячи человек личного состава.

Я прошел мимо дежурного, стоявшего у входа в двухэтажный серый бетонный корпус – логово летчиков. Мне нужно было выяснить насчет завтрашнего рейса на Чкаловский и проверить, включили ли нас в полетный лист. А то кто-то что-то забудет – и бегай потом. У летчиков такое часто бывает – когда Бог создавал дисциплину, авиация в воздухе была.

Тесный кабинетик на втором этаже был плотно заставлен сейфами и столами.

– Палыч, ты нас не забыл? – с ходу спросил я вялого, умудренного жизнью и пенсионными годами майора в технической авиационной форме, который сидел, сонно глядя куда-то перед собой, сжимая в руке молчащую эбонитовую трубку полевого телефона.

– О, здоровеньки. – Майор поднял глаза на меня и оживился. – Проблем с бортом нет. Но пока вас не вписал.

– Почему?

– Тебя Родченко хотел видеть, – майор тряхнул трубкой. – Только что звонил. Сказал, пока подождать.

Вот незадача! Что там еще за ситуация нарисовалась? Дай бог, если какие-то технические моменты. Но может быть и хуже.

– Так что дуй к нему, а потом звони – и я тебя включаю в полетный лист до Чкаловского. И твою братву.

Майор обеспечивал наши вылеты и прекрасно знал, в отличие от многих, кто мы и что собой представляем.

Я чертыхнулся. Вышел из домика. Поймал попутную «шишигу» – тентованный грузовик «ГАЗ-66», доехал до штаба группировки.

Полковник Родченко, наш координатор, встретил меня как всегда дружелюбно. Строгий и резкий, к спецназу он относился как к родным, особенно с учетом нашей трудовой биографии, и готов был в лепешку ради нас расшибиться. Он не раз выручал нас очень по-крупному. Однажды для нашей эвакуации устроил масштабную войсковую операцию, вызвав дипломатический скандал. В общем, наш человек.

– В Москву собрался? – спросил он. Мы с ним давно уже были на «ты».

– Хотелось бы, – ответил я, думая, что сам не могу разобраться – стремлюсь ли я в столицу. Было у меня ощущение, что тут мы нужнее и много не доработали.

– Москва, блещет колокола, – протянул полковник. – Тебя тут гость столичный видеть хотел.

– Кто? – насторожился я.

– Увидишь. Он тебя ждет в «келье».

«Кельей» мы называли комнаты разведотдела группировки, где туча спецаппаратуры, средства связи, локальная компьютерная сеть и глухие сейфы с документацией под различными грифами секретности.

Я отправился туда, махнул пропуском часовому, открыл хитрый электронный замок. В одной из «келей» увидел по-хозяйски рассевшегося за письменным столом мачо Российской армии – будто сошедшего с агитационных плакатов, полковника Лукьянова. Ёкнуло тревожно сердце. Прямолинейный, как шпала, упрямый и исполнительный до мелочей педант, верная правая рука нашего куратора замначальника ГРУ Шабанова, этот тип появлялся, когда затевалось что-то по-настоящему серьезное.

– День добрый, Вилен Семенович, – произнес я.

Наши отношения были слегка натянутыми – иного не могло быть, у него они со всеми натянутые, но со мной чуть менее, потому что я к нему привык. По поведению Лукьянов чем-то напоминал того ярого уставника, который мне лечил голову полчаса назад, но на деле был человеком совершенно другой закваски. Его сдержанность и приверженность правилам шла не от напыщенного самомнения и самолюбования. Просто он был человек-функция, заточенный под решение задач, такая электронная машина. У него все было по правилам не ради правил, а ради достижения цели. Уникальный в своем роде экземпляр.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – сухо отозвался Лукьянов, приподнимаясь и протягивая мне руку.

– Насколько я понял, возвращение откладывается.

– Надеюсь, ненадолго. Возникли некоторые обстоятельства.

От его слов повеяло пыльным ветром пустыни.

И я понял, что впереди не аэропорт Чкаловский и огни Москвы, а новая заброска. Новая прогулка по натянутому канату над пропастью...

Глава 4

Погода была обычной для октября в средней полосе России – серая и промозглая. Черный автомобиль марки «БМВ» несся по подмосковным дорогам, оставляя за кормой лесные массивы и аккуратные коттеджные поселки. Водитель привычно гнал, хотя в этом не было особой необходимости.

Генерал-лейтенант Шабанов расслабился на заднем сиденье, прикрыв глаза. Настроение у него было приподнятое. Он возвращался с полигона одного закрытого НИИ, устроившего презентацию перспективных средств радиоэлектронной борьбы.

Шабанов и раньше немало был наслышан об этих новинках. Вертолетные постановщики помех очередного поколения, которые способны на сотни километров ослепить противника, при этом определяя тип цели и необходимые средства противодействия, новая станция радиоэлектронной разведки, творящая чудеса. Аналогичные системы уже были в войсках, но новая аппаратура значительно мощнее, лучше и, значит, дает возможность идти на шаг впереди противника в бесконечной гонке вооружений, обеспечив в критический момент преимущество и победу.

Шабанов усмехнулся, вспомнив, как час назад, глядя на реюющий под серыми низкими облаками беспилотник с перехваченным с земли управлением, спросил директора НИИ:

– А как с этим обстоят дела у вероятного противника?

– Они пускай пока в песочнице поиграют, – ответил ученый, дважды Герой Соцтруда, взгляд которого, несмотря на солидный возраст, продолжал оставаться цепким, ясным и лукавым. – Пусть потешатся с нелетающими чудо-истребителями пятого поколения за триллион долларов. А мы с напильничком и такой-то матерью работающее изделие смастерим.

– Вашими бы устами да мед пить.

– Они бюджеты пилят. А мы изделие. Вот вся разница.

В общем, технари генерала порадовали. Пока жив русский инженер, русскому солдату всегда будет чем удивить противника.

От сладостных дум Шабанова отвлекло деловито-настойчивое треньканье аппарата спецсвязи.

– Ну, ты где там прохлаждаешься? – послышался в трубке голос начальника ГРУ генерал-полковника Топилина.

– Как где? – удивился Шабанов. – На полигоне.

– Приедешь, сразу ко мне, экскурсант. Разговор есть.

– Скоро буду.

Они знали друг друга еще со времени обучения на разведфакультете Академии Советской армии Минобороны СССР, были друзьями и между собой общались по-простому.

– Прибавь-ка ходу, Саша, – приказал Шабанов водителю-прапорщику.

Тот врубил мигалку и с видимым удовольствием еще глубже втопил педаль газа.

Через полчаса Шабанов устроился в кресле в кабинете начальника ГРУ.

Двое старых друзей и сослуживцев внешне представляли собой полную противоположность. Если Шабанов, с его перечерченным глубоким шрамом лицом, очень крупный, с руками-клещами, внешне походил на предводителя шайки разбойников, то седой сухощавый Топилин больше напоминал чопорного английского лорда, зачем-то надевшего русскую военную форму с генеральскими погонами.

Как и предполагал Шабанов, срочный разговор был по Сирии. Главная болевая точка и для Министерства обороны, и особенно для ГРУ. Ведь от полноценной разведывательной информации зависел и порядок применения сил и средств, и точки приложения дипломатических усилий. Эта война затягивалась и высасывала серьезные ресурсы.

– Возникло несколько вопросов, – устало произнес Топилин, развалившись на диванчике. Он в молодости в Афганистане получил травму позвоночника, поэтому не упускал возможности расслабиться, и мягкую мебель для кабинетов всегда придирчиво выбирал сам. – Что там с Большим Имамом?

– Ликвидирован группой «Бриз».

– Твои любимцы опять отличились, и Шалгам Ахмед сейчас в раю. А мы не поторопились? Ведь нам так ничего и не известно о местоположении его архива.

Два месяца назад ГРУ получило информацию о том, что Большой Имам набрал убийный компматериал на всех своих союзников, в том числе по спецоперациям США в Сирии. Поэтому вопрос поиска его архива стоял в числе приоритетных.

– Не поторопились, – возразил Шабанов. – Большого Имама пора было ликвидировать. А вот с его литературным наследием пока ничего не ясно. Работаем.

– Родион Матвеевич, это очень важно.

– Я же все понимаю.

Действительно, если в архиве даже половина от ожидаемого, открываются завораживающие перспективы – от вербовки противника до дипломатических демаршей. Так что архив нужен до зарезу.

– Сейчас внутри Халифата начинается раздрай, – произнес начальник ГРУ. – Крепнет недовольство полевыми командирами, которых подозревают в связях с американцами. Мы можем на этом хорошо сыграть и усилить хаос в рядах противника.

– Уже играем, – заметил Шабанов.

– Недостаточно. Кроме того, в войне разведок на Сирийском направлении противник слишком часто нас переигрывает. Настала пора убрать с доски наиболее юркие фигуры.

Мир я сравнил бы с шахматной доской —
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут и – побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Шабанов с выражением процитировал Омара Хайяма. Генерал, даром что бывший десантник, привыкший ломать о голову кирпичи, был человеком образованным, с теоретическим складом мышления, а также нездоровой страстью к изречениям классиков и философствованиям.

– Мы не пешки, а боевые слоны, – отозвался начальник ГРУ. – И побить мы должны таких же боевых слонов, расчистить немного доску, притом как можно быстрее. Ситуация сама знаешь какая.

– Знаю.

– Еще новости, – Топилин протянул своему заместителю бумагу с высшим грифом секретности. – Из СВР информация об утечке из нашей конторы.

Замначальника ГРУ ознакомился внимательно с текстом и с усмешкой произнес:

– Ну, вот и коллеги проснулись. Службу знают.

Служба внешней разведки России и ГРУ МО – конкурирующие конторы. Наверняка у СВР было желание навесить плюху конкурентам и совместно с контрразведкой повязать предателя в военной разведке. Но утечка была не в центральном аппарате, а на периферии, поэтому чекисты обязаны поставить в известность руководство ГРУ, чтобы то само разбиралось со своими подчиненными. Кроме того имелась резолюция кремлевского куратора разведслужб – согласовать мероприятия с ФСБ и ГРУ МО России.

– Молодцы, ничего не скажешь, – кивнул Топилин. – Что будем делать?

– Перекрывать кран. Чтобы не протекал. Уже пора.

– Хорошо. Активизируем операцию «Перекресток». С учетом предстоящих активных акций кого планируешь привлечь к операции?

– Группу «Бриз».

– Не слишком много валим на твоих любимчиков? – с сомнением произнес начальник ГРУ. – Они же только с поиска.

Действительно, группа «Бриз» относилась к шабановским любимчикам, главная привилегия которых – лезть к черту в пасть. Эти люди обладали фантастической способностью выпутываться из ситуаций, из которых не выпутался бы никто. Командира группы Шабанов подобрал на военном проекте «Мандрагора», о котором ходили самые смутные и пугающие слухи. Бойцы хотя и именовались группой спецназначения, к обычному армейскому спецназу имели весьма отдаленное отношение. Фактически они входили в структуру подразделения нелегальной разведки на правах оперативных сотрудников с несколько специфическими задачами. Им одинаково привычны были и смокинги, и камуфляж, они могли отлично работать ножом не только в ночном поиске, снимая караулы противника, но и на дипломатических раутах, разделывая рыбу.

– Нормально все, – твердо произнес Шабанов. – Сильных испытания делают сильнее... Да и роль охотников за скальпами для них мелковата. Пусть поучаствуют в нормальном деле.

Глава 5

Мы устроились с относительным комфортом в просторном подвале двухэтажного частного дома. Эта лежка была заранее подготовлена для нас. Там имелось все необходимое для жизни – запас провизии и воды, небольшой дизель-генератор, питавший тусклую лампочку и зарядные устройства для нашей хитрой техники.

Занимались мы тем, чем спецназ на боевом задании занимается основное время – ждали. Шла операция. А любая операция – это переплетение множества ниточек, из которых ткется нужный ее инициатору узор. Мы были лишь одной из этих нитей, правда, очень крепкой, превращающейся в удавку. И мы полностью зависели от искусства ткача.

– Вот, кажется, и клиенты, – Князь кивнул на монитор, куда передавалось изображение с установленных в поселке видеокамер.

К длинному глиняному забору подъехал мятый грязный пикап, из которого чинно вылезли два типичных абрека, увешанных оружием, как новогодняя елка игрушками. Они вытащили из машины металлический ящик и скрылись с ним за тяжелыми деревянными воротами. Машину загонять на территорию не стали – видимо, прибыли совсем ненадолго.

– Первая ласточка. Теперь будем ждать остальных, – произнес я.

Ожидание подходило к концу. Тот, кто держал в руке ниточки, видимо, дергал их правильно, потому что пока все минута в минуту укладывалось в предварительный план.

Вторая группа гостей вряд ли заставит себя ждать долго. Еще вчера мы засекли в этом поселке активность, которую можно было оценить как предварительную разведку.

Поселок располагался у трассы, по которой двигались неустанно автомашины, в том числе и гражданские, водители которых давно привыкли к тому, что рядом рвутся снаряды и ведутся боевые действия. Жизнь же не останавливается. Нужно работать, заниматься сельским хозяйством и торговлей. Все же не могут воевать. Кто-то должен просто жить. Но те, кто прибыл вчера на достаточно невзрачных, не бросающихся в глаза легковушках, приглядывались к обстановке, а не просто решили опрокинуть по чашке кофе в местной кофейне.

Мы заметили разведку противника, а она нас нет. Причина простая. Мы имеем обыкновение приходить раньше. Потому что ткач, который ткет этот узор, – он наш. И те, кому суждено на свою голову собраться в этом месте, – это его стежки и петли. А потому они лягут туда, куда положено. Если, конечно, мы не подведем.

– Слушай, Кулибин ты наш, на Горбушке камеры стырил? Все мутно, – сетовал Князь, пялясь в монитор.

Камеры были мелкие, практически незаметные, зато со слабеньким разрешением. Но в целом они картину происходящего передавали. А микрофоны улавливали звуки.

– Гуманитарная помощь, – хмыкнул Рад. – Из деталей со свалки.

– Оно и видно, – кивнул Князь. – Точнее, ни шиша не видно.

– Поднимите мне веки – в таком случае говаривал Вий.

Эти двое все время пикировались, устраивая цирк и балаган. Эта привычка у них неисребима. Даже в самых критических ситуациях они находили повод вернуть шуточку-прибауточку и поддеть друг друга.

– Ты смотри, какие люди! – воскликнул Князь.

Одна из камер скинула изображение кавалькады тачанок – пикапов, джипов, украшенных пулеметами, которые лихо ворвались в поселок, едва не снеся единственную пальму рядом с арыком.

– А вот еще шайка-лейка! – продолжил Князь.

Еще несколько машин во главе с грузовым «МАЗом» заехали с другого конца поселка, взяв его в клещи. И на всей скорости рванули к огороженному глухим забором дому. Из машин посыпались боевики. Народу было столько, что можно перетряхнуть весь населенный пункт.

Изображение исправно приходило на монитор. Значит, никакие глушилки и средства РЭБ не использовались. Уже хорошо. Мы находились вне зоны визуального контакта, поэтому наши глаза – это видеокамеры.

Банда была до вульгарности обыкновенная – разношерстно одетые, увешанные оружием моджахеды, почти у всех за поясами тесаки, означавшие принадлежность к касте воинов. Действовали они слаженно. Быстро заняли огневые позиции. Отсекли возможные пути отхода врага. Расставили по поселку наблюдателей, если беглецы решат смыться по подземному ходу.

– Началось, – произнес я.

Грузовик «МАЗ» с разгону массивным бампером протаранил ворота и ворвался на территорию. В пролом рванула штурмовая группа, подгоняемая неизменным «Аллах акбар!». Застрекотали очереди. Басмачи били по окнам, чтобы не дать оборонявшимся в доме людям высунуться. Но из дома все же дали несколько очередей, и какой-то раненый моджахед истошно взвыл.

Камера, установленная нами на водокачке, давала возможность видеть, что творится во дворе. Басмачи рассредоточились по участку, укрываясь за строениями, горами досок и уходя из сектора обстрела.

Один из моджахедов заголосил, призывая обороняющихся к переговорам. Предложение было щедрое – понятно, что защитники дома долго не продержатся. Похоже, нападавшим нужны были пленные.

– Вот и конец кино, – прокомментировал Князь. – Они сдадутся.

– Это какая-то короткометражка получается, – хмыкнул Рад.

– А ты, молодой, что, любитель эпических баталий?

– Ага. «Война и мир» рулит.

Я обратил внимание на статную фигуру рядом с пятнистым бронированным «Хаммером», затормозившим поодаль, вне зоны огня. Человек был экипирован в песочный камуфляж, с израильским автоматом «узи» на плече, в темных очках. Держался высокомерно, несуетливо.

– Вон, похоже, и куратор, – ткнул я пальцем в экран.

Рад, насколько мог, увеличил изображение. Хоть разрешение было не ахти, но мне показалось, что я узнал этого человека – по осанке, манере держаться, особенностям фигуры. Мы периодически просматривали имеющиеся изображения и описания наших противников, которые удалось добыть. И я готов был голову дать на отсечение, что этот тип фигурировал среди советников одной из антиправительственных сирийских группировок и работал на ЦРУ.

Значит, хозяева сами решили пожаловать. Не доверили операцию своим рабам. Выходит, мы сумели чем-то очень сильно заинтересовать их.

Эх, зря ты сюда приехал, американец. Очень даже зря.

Комбинация, которую мы разыгрывали, относилась к классике контрразведывательной деятельности, разыгрывалась со времен царя Гороха и практически всегда приводила к успеху.

Схема простая. Предположим, стало известно, что в твоих рядах предатель. Даже удалось очертить круг лиц, где его надлежит искать. Но как его взять за жабры? Как заставить проявиться? Тут нужно учитывать, что предатель устроился рядом с тобой ради того, чтобы сдавать врагу твои секреты и тайны. Вот ты и кидаешь наживку. Каждому из подозреваемых скармливаешь ненароком какую-то свою информацию, которую он обязательно сольет кураторам. А потом смотришь, на какую из обманок последовала реакция. Например, одному подозреваемому сообщаем, что в ставке Гитлера советский шпион Ганс. Другому, что шпионом является Мюллер. И отслеживаем, кого из них арестуют и потащат в пыточную. И сразу все становится ясно. Все эти игры профессионалам прекрасно известны. Но не играть в них нельзя,

потому что они и являются сутью работы спецслужб. Тут важны два момента. Первое – информация должна быть такая, на которую противник обязан отреагировать немедленно. И второе условие – ты должен иметь возможность проконтролировать, клюнет ли противник на заброшенную наживку. Вот таким контролем мы и занимались.

Американцам толкнули информацию, что сирийские спецслужбы завладели чем-то очень важным, и агенты будут в такое-то время в таком-то месте – а именно в этом поселке и в этом доме. Думаю, было заброшено несколько таких наживок. То есть в это же время такие же ребята, как мы, сидят в убежище и смотрят, приедут ли за их подопечными басмачи на джипах. Ну что ж, приехали за нашими. Значит, предатель вычислен. И я ему не завидую...

Между тем на штурмуемой территории опять поднялся гвалт и крик. Потом из дома вышли трое – хозяин и двое его гостей. Все они были агентами сирийской контрразведки.

Эх, ребята-союзники. Не повезло вам. Использовали вас втемную. Вы, наверное, честно служили. Но такова судьба – стать разменной монетой. И с этим уже ничего не поделаешь.

Душманы вывели пленных за забор. Сбили с ног. Подубасили ногами некоторое время – азартно, с криканьем и победным визгом. Окровавленных подняли.

Американец важно, с интересом наблюдал за экзекуцией.

Ну что же, пора.

Я нажал на кнопку дистанционной взрывной машинки.

Послышался грохот. Ощутимо тряхнуло пол.

На взрывчатку мы не поспешили.

Камера мигнула, но не выключилась. Было видно, как плеснуло пламя, поднялась пыль. А потом – как корчатся раненые, мешками лежат убитые. Микрофон улавливал крики, вопли отчаянья.

Эх, ребята сирийские контрразведчики. Прощайте. Надеюсь, вы попадете в свой рай. А американец и его прихвостни без остановок проследуют к чертям в ад.

Ну а нам пора уходить.

У нас заключительный этап – эвакуация. И это уж никак не время расслабляться...

Глава 6

Подполковник Арсений Сотников немножко припозднился с обедом. Когда добрался до столовой, представляющей собой огромный белый шатер, столпотворения и очередей у лотков раздачи там уже не было. Только доедали свои порции несколько групп авиатехников в бежевых брюках и футболках без знаков различия да о чем-то азартно спорили в углу десантники из Новороссийской десантно-штурмовой дивизии.

На раздаче девушки в белой спецодежде и поварских колпаках щедро наложили подполковнику заказанные блюда. Повара офицерской столовой сегодня превзошли сами себя и устроили обед в сирийском стиле – фаршированные баклажаны, острое мясо, лепешки. Вообще, кормили на базе очень неплохо – и офицеров, и рядовых. Дистрофия не грозила никому. Но больше однообразно – гречка, тушенка, щи, компоты. Так что такие редкие гастрономические эксперименты украшали жизнь.

Сотников уселся в плетеное пластмассовое кресло за пустующий четырехместный стол между технарями и десанниками и принялся за трапезу. Едва он завернул мясо в лепешку и отхватил большой кусок, забив рот, как сзади послышался знакомый и прилично поднадоевший ему голос:

– К тебе можно?

Голос принадлежал майору Алентову – статному, немножко обрюзгшему, с квадратной челюстью, напоминавшему римского патриция.

– Присаживайся, – проглотив кусок, приветливо произнес Сотников. – Гостем будешь.

– Коллеги должны вместе держаться, – широко улыбнулся Алентов. Он все время улыбался, как американец – так же тупо и неискренне, и всех более-менее влиятельных сослуживцев бесцеремонно пытался позвать к себе в друзья.

Карьерист, плейбой, майор вообще неизвестно как попал в разведку – ему бы по ночным клубам тусить. Но определенное честолюбие в нем было, он мечтал о доблестях, о подвигах, о славе. Но чтобы только все пришло легко, без лишнего напряжения.

Сотников, старый, потертый жизнью барбос, конечно, плейбой за коллегу не считал, а держал за клоуна с папашей-генералом за спиной. Но это же обстоятельство заставляло держаться с майором как можно более дружелюбно. У клоуна из генеральской семьи гораздо больше шансов стать генералом, чем у работяги из деревни, пускай тот будет хоть семи пядей во лбу. Не ровен час, Алентов в один прекрасный момент обгонит его в должностях, звездах и будет приглашать к себе на совещание с отчетом о проделанной работе.

– Как в Москву слетал? – поинтересовался Сотников.

– Ох, Москва. Там жизнь, – мечтательно произнес плейбой, два дня назад вернувшийся из столицы. – Но здесь работа. Любимая.

– Ну да, – кивнул Сотников, давая нещадно нотки язвительности.

– Мы здесь делаем историю, Арсений, – пафосно изрек Алентов.

Сотников кинул на него внимательный взгляд. А может, он действительно в этом уверен и искренен? Эх, где она, карательная психиатрия?

– Главное, чтобы история не сделала нас, – буркнул в ответ подполковник, сворачивая новую лепешку.

Алентов весь светился, говорил о судьбах мира. Это могло означать лишь одно – он поймал-таки долгожданную оперативную удачу.

– Нет, историю сейчас делаем мы, – отчеканил Алентов достаточно громко, даже не задумываясь о том, что его могут услышать посторонние, уже начинавшие коситься в их сторону. – Может быть, даже я.

– Даже так?

– А что? Скоро устроим американцам кузькину мать.
– Вдарим по красной кнопке, и весь мир в труху? – хмыкнул Сотников.
– Да, будет бомба. Только не ядерная, а информационная.
– Хорошо песни петь, – как можно пренебрежительнее отмахнулся Сотников, по опыту зная, что собеседник не выдержит и что-нибудь важное болтнет.
– Ждем из Эль Хруба сирийскую группу. Надеюсь, с грузом, – Алентов демонстративно посмотрел на часы.

Ну, вот и сложился пазл. С самого начала Сотников ощущал, что что-то не так в цепи последних событий. Какое счастье, что Алентов никогда за языком не следил.

Когда служишь в разведке и сознательно идешь на предательство, то знаешь, что рано или поздно придется уходить. Лучше, конечно, рано, потому что припозднившиеся в этих играх теряют не время, а жизнь. И вот час настал.

Судя по всему, российская разведка получила сведения об утечках информации из военной группировки РФ в Сирии. И ее решили отработать старым способом – на живца. Сотникову подбросили информацию. Он передал ее. И угодил в капкан.

Подполковник посмотрел на часы. Сколько, интересно, у него времени? Вскоре моджахеды по наводке американцев возьмут сирийских агентов. Какая-нибудь спецгруппа проконтролирует этот момент и сбросит сообщение в штаб. После чего Сотникова арестуют. Даже ни в какие игры играть с ним не будут. Просто запрут в камеру и начнут работать. А как работают в конторе с предателями, он знал не понаслышке.

Но Алентов хорош! Проговорился. Распирает его от чувства собственного величия. Все самые потаенные государственные секреты и тайны обязательно натолкнутся на пафосного трепача. Это закон природы. Сидит генеральское дитя, компот хлебает и даже не понимает, что только что сотворил.

– Спасибо, – Сотников поднялся, похлопал коллегу по плечу.
– За что? – недоуменно спросил Алентов.
– За все, – хмыкнул Сотников и, не удержавшись, добавил: – Узнаешь.

Майор пожал недоуменно плечами и принялся, наконец, за трапезу...

Все подозрения приобрели завершённую форму. Сотников вспомнил незаметных ребят в камуфляже – старлеев, прапорщиков, которые вертелись вокруг него. Эдакая служба скрытого наблюдения в стесненных условиях базы. Конечно, с начала операции его стали контролировать. И это были не местные контрразведчики – тех он знает. Скорее всего, заезжие варяги из Москвы. Ордена ведь получают и грамоты за изобличение проклятого предателя.

Скоро его будут брать. Значит, надо уходить. Нет, ребята, звездочек и орденов вам не видать!

После обеда Сотников отправился не в штаб, а в свой жилой модуль. Шел по дальней дороге, мимо рядов брезентовых палаток, через спортивный городок, где здоровенные морпехи работали на спортивных снарядах и долбили по боксерским мешкам, отрабатывая удары. По дороге срисовал двух шпиков, прилепившихся к нему. Ну что ж, поиграем.

Сотников самую насыщенную часть своей жизни посвятил службе в спецназе, еще в Чеченскую войну, где достиг определенных успехов в минно-взрывном деле. Так что приготовил кое-какой сюрприз – собственными силами, из подручных материалов, загодя. Умные люди все делают заранее на все случаи.

В белоснежном жилом модуле, где он проживал с тремя своими коллегами, сейчас было пусто. Сотников пошарил в вещах. Сунул в карман небольшой пистолет «вальтер», собрал вещмешок, затянул его лямки и закинул на плечо. Вытащил из чемодана сверток, вытянул из него провод, подсоединив к пластмассовой коробочке. Вышел в предбанник. И нажал на кнопку самодельной подрывной машинки, сработанной из батареек, тут же присев в углу и зажав уши ладонями. Через три секунды сверток рванул.

Жахнуло так, что, казалось, прилетел «Томагавк». Стеклопакет и часть стены вылетели. Дверь в предбанник тоже сорвало с петель. И повалил такой дым, что стало не видно вообще ничего.

Сотников специально сработал взрывное устройство так, чтобы было как можно меньше разрушений, но как можно больше дыма и грохота. Ему нужен был переполох. И это у него получилось.

Подполковник встряхнул головой. В ушах звенело, голова ходила ходуном, но больше вроде последствий не было, отделался легко, значит, рассчитал все правильно. Он толкнул входную дверь и выскочил из вагончика. Вокруг стелился дым – даром, что ли, дымовую шашку затолкал во взрывное устройство.

Стараясь не кашлять, подполковник просочился между жилыми контейнерами. Царила неразбериха, столпотворение – как раз то, что нужно. Сейчас оперативники будут осматривать вагончик, решив, что клиент подорвался. Пока разберутся. Пока сориентируются. Тут много можно успеть.

На выходе из жилого сектора Сотников нос к носу столкнулся с одним из соглядатаев с погонами лейтенанта. Тот потянулся к кобуре. И Сотников ринулся на него.

Навыки не пропьешь. Пусть особысты – ребята ушлые в оперативной работе, хитрые и изощренные. Но вот в рукопашке слабоваты. Войсковому спецназу или «Альфе» – не соперники. Не на то заточены – им простительно.

Сотников нанес противнику удар кулаком в солнечное сплетение, потом ребром ладони по шее. Не убил вроде – пусть за это Бога благодарит. Вроде никто разборки их не заметил, место пустынное. А вот дальше располагаются охраняемые склады и боксы с техникой.

Сотников двинулся вперед. Нельзя бежать, чтобы не привлекать внимание. Но двигаться надо быстрее. Времени совсем не остается.

Особысты считают, что уйти с базы нелегко. На самом деле все не так. База – это целый город, где можно затеряться и откуда можно свалить при точном расчете и определенной доле удачи. Да еще нужно учитывать, что Сотников продумывал не раз пути отхода. И, будучи здесь не последним человеком, предпринял определенные меры.

Через пять минут он был у северных ворот базы. Перед контрольно-пропускным пунктом ждала разрешения на выезд колонна из двух тентованных грузовиков и бронетранспортера. Сотников подошел к капитану – старшему колонны. Продемонстрировал заранее приготовленное распоряжение за подписью начальника базы, дающее большие полномочия, в том числе разворачивать подобные колонны по своему усмотрению. И объявил:

– Я с вами.

Капитан козырнул и указал на кабину новенького «Урала-М», в которой вполне можно было устроиться втроем.

Сотников надеялся, что особысты не успеют предупредить караул. Они пока еще разбираются с вагончиком и убеждаются, что тела никакого там нет. Наверное, сейчас в их головы закрадывается мысль – надо бы перекрыть выходы с базы и ставить всех в ружье. Пока доложат начальству. Пока начальство оценит ситуацию. Пока объявит тревогу. Они явно не рассчитывали на такие шаги с его стороны, и им нужно время, чтобы сориентироваться.

Офицер на КПП махнул рукой, и колонна выехала с территории базы.

Когда дорога вывела к первым бетонным кубикам жилых домов, Сотников приказал:

– Тормози. Дальше я сам.

– Запрещено же, – возразил капитан.

– Запрещено пререкаться со старшим по званию.

«Урал» затормозил, и Сотников прыгнул на прогретый солнцем асфальт. Пот лился по его лбу. Голову немножко вело. Это все нервы и жара – сегодня неожиданно грянуло двадцать восемь градусов.

Колонна тронулась, оставляя Сотникова одного. Он посмотрел ей вслед, потом обернулся и окинул взглядом базу Хмеймим, бывший международный аэропорт имени Басиля Аль Асада, ставший частичкой русской земли. Все, черта проведена, назад дороги нет. Его ждут насущные дела. Главное – покинуть поселок, а потом и эти места. И тут ему остается только надеяться на возможности своих хозяев. Новых хозяев...

Сотников углубился в поселок, где шла своя жизнь. Люди слонялись по делу или без дела, торговали, сидели на ступенях домов, общались между собой. На русского военного смотрели искоса – обычно по одному вояки не ходят. Кто-то поприветствовал его – мол, дружба и братство между народами.

Через десять минут он добрался до недостроенного дома, где у него был тайник. Там облачился в местные одежды, так что теперь вполне мог сойти за своего, учитывая отличное владение арабским языком. Теперь на конспиративную квартиру. Если его партнеры не соврали, они эвакуируют его.

В их добрых намерениях он не заблуждался – они истинные бизнесмены, делают только то, что им выгодно. Он надеялся, что им пока что предпочтительно возиться с ним. Ну а потом он станет родным и незаменимым, и от него просто так не избавишься.

Нужно было спешить. По идее, сейчас военные и полиция будут перекрывать дороги. Но Сотникову ехать никуда не надо. До конспиративного помещения десять минут пешком...

Вскоре беглый подполковник постучал в дверь частного одноэтажного дома. И сказал возникшему на пороге пожилому тощему арабу:

– Мир правоверным, да осенит солнце этот дом.

– Мир тебе, скиталец, – ответил хозяин дома, приветствуя гостя низким поклоном.

Глава 7

Настроение у меня было не то чтобы упадочное, но достаточно мерзкое. Не шла из головы последняя операция. Из всей группы мне одному известна ее суть, а также то, что те трое, которых мы до кучи взорвали вместе с моджахедами – это наши союзники.

Мы, конечно, машины для уничтожения противника. Но в глубине души совесть же живет. Конечно, в нашей работе она кажется архитектурным излишеством – типа для красоты. На войне приходится жертвовать людьми, в том числе и своими. А в борьбе спецслужб вообще мораль является ругательным словом – вся эта работа зиждется на крови и обмане. И это оправданно – ведь те неблагоприятные поступки, которые нам приходится совершать, являются воплощением железной целесообразности. Подставляешь одного человека, жертвуешь им – и спасаешь сотни. Главное, арифметика. Да, наш Бог – боевой приказ. Но совесть – это то, что отличает человека от компьютера. Даже закоренелые преступники ищут себе оправдания. А солдат без совести – просто профессиональный убийца.

Вот эта самая совесть и колола меня. Потому что жертвовать своими, сдавать их врагу – это самое распоследнее дело. В какой-то мере извиняет нас то, что если возникнет такая необходимость – то точно так же могут пожертвовать и нами. Но для этого нужна будет очень веская причина. Такая, из-за которой я и сам бы оправдал сей шаг.

Ну и еще ложка дегтя. Задание мы выполнили, предатель был вычислен, отработали нормально. А вот коллеги ударили в грязь лицом. Иуда ушел, да еще с шумом, фейерверком. Не афишируя суть произошедшего, особисты теперь рыли носом землю, пытаясь выяснить, как же так получилось и нет ли у беглого подполковника сообщников. В общем, сплошной трэш, угар и позор. Одно утешает – теперь некому будет сливать противнику информацию. От мыслей о том, сколько вреда мог натворить крот в наших рядах, мне становилось дурно. И в очередной раз я мысленно благодарил Бога и начальство, что работаем мы по своему плану, вне зависимости от разведывательной службы группировки. Ибо кто мы по документам? Правильно – прикомандированная техническая группа непонятного назначения.

Мы занимали два белоснежных жилых модуля на самом отшибе базы. Внутри было достаточно комфортабельно – три кровати, пластмассовая мебель, даже кондиционер. Условия на уровне мировых стандартов. В одном модуле жили я, Князь и Рад. Наши чеченцы занимали другой. Они сильно сдружились в последнее время, после того как чуть не перегрызли друг другу горло. Нет, спорили они и теперь – порой до хрипоты, поскольку долго находились по разные стороны баррикад. У Утеса, человека советского воспитания, и исламиста Бека взгляды на мир, мягко говоря, сильно не совпадали. Но зато были общие враги. Так что теперь в полемическом задоре за ножи они уже не хватались, как раньше.

Князь сидел на кровати и перебирал струны гитары, напевая профессиональным концертным баритоном:

Пылает город Кандагар, живым уйти нельзя.
И все-таки Аллах акбар, Аллах акбар, друзья!

Это была любимая песня Князя, и пел он ее всегда с чувством, проникновенно, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Аллах акбар, горит песок и рушится скала,
И очередь наискосок дорогу перешла.
Алла, Алла, Аллах акбар...

Песня, наверное, лучшего военного барда полковника Верстакова относилась к временам афганской войны. Тогда вместо «привет» у советских воинов-интернационалистов было принято говорить друг другу «Аллах акбар».

Аллах акбар, пылает ствол и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон, Аллах акбар, майор
Аллах акбар! Аллах акбар!..

У меня от этой песни всегда мурашки по телу. Ведь все крутится по вечному кругу – Афган, Чечня, Сирия. Пыль, грязь, русская кровь. И пронзительное ощущение – иначе нельзя, иначе не получится. Такова судьба русского воина во все века и в любом месте – давить нещадно душмана. И платить своей кровью.

А если кто-нибудь живым вернется в Кандагар,
Его мы, может быть, простим, ему Аллах акбар.
Аллах акбар, Аллах акбар...

В группе царило чемоданное настроение. Каждый воспринимал предстоящий отлет на Родину по-своему. Князь неустанно грезил о жене и детях, ему это в радость. Рад пышет жизнью и молодостью, ему везде интересно, но больше всего тянет блестящая мишура большого города. Эти двое упражнялись в фантазиях о том, кто чем займется на Большой земле – они варьировались от дикого загула с блэкджеком и шлюхами до скромного вечера при свечах в кругу семьи и потрескивающих поленьев в камине.

А вот моим чеченцам все равно. Беку домой нельзя – там его не ждут, учитывая некоторые особенности биографии. И Утесу туда тоже нет смысла ехать – близкие родственники погибли от рук ваххабитов, за что он люто ненавидел религиозных фанатиков и главный смысл жизни видел в том, чтобы накрошить их как можно больше. Война забрала у них все и стала их домом.

Меня все больше настораживало то, что о нашем отлете разговор со мной больше никто не заводил. На базе о моей группе вообще временно позабыли – не до нас было. Штаб шумел, как растревоженный улей. Вчера наши штурмовики накрыли гуманитарный конвой ООН, следовавший в оплот боевиков – осажденный город Бекрай. Самое интересное, что колонну грузовиков сопровождали моджахеды, а груз состоял из сухой китайской лапши и боеприпасов, в том числе к системам залпового огня. Что, впрочем, не помешало американцам и их подстилкам поднять истошный вопль в ООН о том, что Россия нагло попирает все нормы международного права, морали и нравственности. МИД России отбрехивался в привычной иронично-агрессивной манере, но это было бесполезно, поскольку истина не интересует никого, а картинку для западного обывателя дают мировые информационные агентства, в число достоинств которых объективность не входила никогда. Как всегда в таких случаях, на базе шумгам-тарарам, пишутся справки, отчеты, представляются материалы в Москву – в общем, сумасшедший дом.

Обо мне вспомнили еще через день и ранним утром вызвали в разведотдел. Там в «келье» ждал полковник Лукьянов. Он сидел за столом, вычитывая какие-то бумаги. Как всегда сухо приветствовал меня и пригласил присаживаться на расшатанный деревянный стул.

– А вы тут освоились, – хмыкнул я.

На столе стояла стальная фигурка танка «Т-72». По давней привычке полковник ставил ее на свой рабочий стол – будто столбил территорию. Это было напоминание о его старой службе в танковых войсках и означало, что прописался он здесь надолго.

Лукьянов кивнул.

– Судя по всему, в Москву не спешите, – продолжил я.

– Пока нет, – односложно ответил полковник.

– А нам замена будет? – полюбопытствовал я. – Родина увидит своих героев?

– Замена? – Лукьянов недоуменно посмотрел на меня и наставительно произнес: – Мы военнослужащие, и командование определяет порядок и место прохождения нашей службы.

Человек совершенно не умеет выражаться не по-уставному.

– Интересное кино получается, – протянул я, пытаясь разобраться, огорчает или воодушевляет меня известие о том, что наше возвращение оттягивается на неопределенное время.

– Товарищ подполковник, вы в курсе, что дело не закончено? – сухо произнес Лукьянов.

– Знаю, – кивнул я. – Подполковник Сотников ушел. И мы его вряд ли теперь достанем – он сейчас задыхается в дружеских объятиях своих рабовладельцев. Если, конечно, по пути на фугас не наступил, тварь такая.

– Вы мыслите в нужном направлении. Только ошибаетесь насчет того, что мы его не достанем. Есть основания полагать, что очень даже достанем.

Сердце мое екнуло. Перспектива гоняться за беглым предателем, который находится под крышей ЦРУ, да еще неизвестно где, меня не особенно радовала. Да и не слишком верилось в успех такого мероприятия.

Уловив мои чувства, с каким-то удовлетворением Лукьянов произнес:

– Вы правильно поняли. Ваша группа подключается к дальнейшему оперативному и силовому сопровождению этой операции.

Он положил передо мной шифрограмму за подписью замначальника ГРУ Шабанова, в которой было черным по белому написано, что группа «Бриз» подключена к проведению комплекса мероприятий под условным наименованием «Перекресток».

– Что за «Перекресток»? – спросил я. – Это по Сотникову?

– К сожалению или к счастью, операция гораздо шире. С вашей помощью был ликвидирован Большой Имам.

– Точно так.

– А об архиве Большого Имама слышали?

– Нет.

– На протяжении многих лет он фиксировал свои контакты с ЦРУ и другими спецслужбами, а также западными политиками. Надеюсь, понимаете, какой убийственной силы это его наследие.

– Понимаю.

– Архив с вероятностью в девяносто девять процентов находится на территории Сирии.

– И мы его будем искать, – заключил я. – Только какое это имеет отношение к Сотникову?

– Имеет самое непосредственное отношение. Но мы будем решать проблемы по мере поступления. А пока я уполномочен ввести вас в некоторые аспекты операции.

– Слушаю очень внимательно.

И он выдал такое, от чего я только озадаченно поцокал языком.

И понял, что нам придется очень тяжело.

Ну что ж, а кто обещал, что будет легко и что мы будем жить вечно?

Глава 8

Правительственные силы после массовой авиационной и артиллерийской подготовки пошли в атаку, поддерживаемые несколькими танками «Т-72».

Школа младшего командного состава сирийской арабской армии в окрестностях Бекрая уже несколько раз переходила из рук в руки. Она имела важное значение, поскольку позволяла держать под контролем последнюю транспортную артерию, питающую осажденный город, по которой осуществлялось снабжение оружием, боеприпасами и перемещались отряды боевиков.

Хайбибула, командовавший этим участком обороны, бросал тающие силы без оглядки, лишь бы удержать коридор. Без него моджахеды были обречены. И он собирался биться за этот комплекс разбитых зданий до последнего.

Огненный напор был страшен. Грохот бомб и снарядов рвал барабанные перепонки. Осколки перемалывали все живое. Казалось, ничто не может выжить в этом буйстве дыма и пламени. Но когда правительственные войска пошли в атаку, то натолкнулись на грамотное огневое противодействие. Из заранее оборудованных огневых точек по ним лупили пулеметы, автоматы и даже артиллерия.

Наконец «Т-72» прорвался на территорию школы, передал артиллерийский расчет, навел шороху, и моджахеды были готовы начать неорганизованное отступление, в народе именуемое бегством. Все зависло на хрупких весах случая.

В этот момент в бок танка впилось сразу три выстрела из «РПГ-7». Стрелки шли на смерть, они ее и нашли, скошенные очередями. Но один из зарядов ручного противотанкового гранатомета все же остановил танк, который задымился. А потом рванул боекомплект. Выбравшегося еще до взрыва танкиста застрелили.

Идущие следом бронетехника и пехота еще могли смять оборону и захватить позиции моджахедов.

Оглушенный Хайбибула лично руководил боем. От близкого взрыва в его ушах стоял звон. Голос охрип. Он смотрел на происходящее, и его душа застыла. Он понимал, что сейчас будет конец. И с отчаянием смертника охрипшим голосом отдал приказ на последнюю самоубийственную атаку.

И люди, выбираясь из щелей, пошли вперед. Из укрытия с ревом вылетел последний оставшийся на ходу пикап и лихо развернулся. Застрекотал крупнокалиберный китайский пулемет в его кузове, посылая длинную бестолковую очередь.

– Аллах акбар! – послышался многоголосый крик, перекрывая грохот выстрелов.

И моджахеды пошли вперед. Лицом к лицу с врагом. Смерть на смерть – и пусть Аллах рассудит, кто ему дороже. Такую войну Хайбибула любил. После таких побед он ощущал, что его дело правое, поскольку Всевышний опять за него!

Передовая линия правительственных солдат дрогнула. Один боец бросил оружие и кинулся назад. И вскоре за ним устремились остальные. Чиркнула стрела ПТУРа по корпусу второго «Т-72», не повредив его. Танк развернулся и двинулся обратно, даже не думая стрелять.

– Отступают! Аллах акбар! – что есть силы вторил вою десятком глоток Хайбибула, вскакивая на бетонное ограждение и паля из своего автомата куда-то вдаль. Он не мог сдержать ликования.

Он в очередной раз убедился в том, что у правительственных сил слабая пехота. Ее мало. Ей не хватает напора и мужества. Если бы сегодня в атаку шли отборные силы САА, те же «тигры», или иранцы, или «Хезболла», все могло бы сложиться совершенно иначе. Но большинство солдат воюет плохо. Они неважно владеют техникой, которой у них много – гораздо

больше, чем квалифицированных специалистов. И офицеры в массе своей слабы. Поэтому пять дней назад, захватив эту самую школу, правительственные войска не смогли здесь закрепиться, окопаться и были с треском выбиты Хайбибулой. Моджахеды же вгрызаться в землю и рыть укрепления научились уже давно, поскольку нерадивых бойцов просто расстреливали. Правительство Сирии не могло себе такого позволить. Оно заискивало перед своими солдатами, поэтому эта военная масса постоянно умудрялась сдавать позиции, отвоеванные элитными частями при поддержке авиации.

Хайбибула устало присел на бетонный кубик рядом с насыпью у разбитого забора. Вокруг закружились возбужденные боевики. Ему поднесли двухлитровую пластмассовую бутылку с холодной водой. Он жадно присосался к ней. Сегодня жара – жаркий бой, жаркий воздух, жаркое солнце.

На сегодня все кончено. Вряд ли враг отважится на новую самоубийственную атаку. Значит, транспортная артерия не закроется. Не прервется поток боеприпасов. И будет возможность воевать дальше. Вот только как долго?..

Ночь прошла спокойно. Хайбибула, вернувшись в свой штаб в здании бывшего муниципалитета около городского рынка, проспал в подвале десять часов без сновидений.

Следующий день начался спокойно. Бомбовые удары не возобновлялись. Обеим воюющим сторонам нужна была передышка.

На одиннадцать часов был запланирован военный совет главных полевых командиров, фактически являющийся властью в осажденном городе. Там нужно определиться по важным вопросам и с согласованной позицией выйти на Большой совет, формально числившийся в Бекрае верховным органом управления.

Данное действо должно было состояться на территории полуразрушенной мебельной фабрики, расположенной как раз рядом с сержантской школой, которую вчера обороняли. Это был рубеж обороны, куда пришлось бы вчера отступать, если бы не удалось удержать школу.

Хайбибула шел туда с тяжелой душой, зная, что на этом военном совете ему предстоит еще один бой. Может, даже не менее тяжелый, чем вчера. И не менее важный. Ведь, как показывает опыт, вооружение и многочисленность армии – это далеко не все, что нужно для победы. Главное – сплоченность, чистота помыслов и идей. А вот со сплоченностью обстояло не слишком хорошо. И сегодняшний военный совет должен тут стать судьбоносным.

На просторной, огороженной двухметровым забором и почти не затронутой бомбежками территории мебельной фабрики в укрытиях из бетона, за валами песка была размещена различная техника – пикапы, «Хаммеры», русские и английские бронетранспортеры. Сновали вооруженные люди. В ста метрах отсюда была действующая больница. Моджахеды специально ее не закрывали – наоборот, насильно сгоняли туда как можно больше женщин и детей, чтобы окрестности не бомбила авиация. Эта хитрость срабатывала до поры до времени.

Хайбибула направился к кирпичному трехэтажному корпусу, где раньше располагалась администрация фабрики и даже сохранились стеклопакеты в оконных проемах. Он прошел через часовых. Около входа в зал совещаний на первом этаже прямо на ковровом покрытии пола сидели бойцы. Другие подпирали стены или слонялись туда-сюда, как мятник. Но все они были настороженные, хмурые и буравили друг друга взглядами, не отводя рук далеко от оружия. Все это были телохранители тех, кто собрался за дверями. И никто здесь не доверял никому.

Вновь прибывших одарили злобными взорами. Но сопровождавший Хайбибулу телохранитель, не обращая ни на кого внимания, распахнул дверь зала. Шагнул внутрь. Быстро осмотрел помещение. И только после этого, поклонившись, пригласил командира заходить.

От бывшего просторного зала совещаний остался ряд мягких стульев в углу. Все свободное пространство было достаточно сумбурно застелено награбленными коврами, заставлено

диванчиками, низкими столиками – заметно, что среди тех, кто приложил руку к оформлению этого помещения, дизайнеров не водилось.

На пуфиках рядом, чуть ли не обнявшись друг с другом, сидели Сейфул и Зияульхак – полевые командиры, державшие восток города. Они были как братья, неразлейвода. Даже внешне похожие – высокие, худые, смуглые до черноты.

В отдалении, положив руку на выступающий живот, важно восседал на диване кругленький, щетинистый и звероподобный, с густой курчавой бородой, в которой потерялись щеки, Хасани Халил, за глаза именовавшийся Бешеным Кабаном. За его поясом был кинжал в серебряных ножнах, отделанный драгоценными камнями, на боку деревянная кобура с увесистым оружием – скорее всего, русским автоматическим пистолетом Стечкина. Он смотрел на всех с нескрываемой злобой. После смерти Большого Имама именно к нему перешло руководство бандой.

Хайбибула вежливо и витиевато поприветствовал присутствующих. Ответили ему холодно и формально. Собравшиеся здесь люди были взведены и не без оснований ожидали от встречи каких-то взаимных подлостей.

Война приучает экономить время и силы, поэтому вместо обычных цветистых вступлений, когда надлежит пару часов интересоваться здоровьем всех родственников, видами на урожай и падежом скота, Хайбибула сразу взял быка за рога:

– Бекрай мы не удержим. Сегодня на Большом совете я дам согласие на то, чтобы вывести наши части по договору с правительством через коридор. Без тяжелого вооружения и техники.

– И оставить наших братьев на съедение шайтанам? – засмеялся Бешеный Кабан; его улыбка походила больше на оскал, кривые желтые зубы выступали вперед.

В двухсоттысячном городе сконцентрировались значительные силы моджахедов из Халифата и дружественных ему исламских организаций. Население было суннитское, поддерживавшее воинов ислама. Но все это не спасало положения. Правительственные войска плотно обложили город, бросали сюда свежие резервы. И сержантскую школу они рано или поздно возьмут, после чего перекроют снабжение моджахедам. А дальше начнется долгая кровопролитная зачистка улиц, которая заберет немало жизней с обеих сторон, и итог ее предreshен – возвращение города под контроль правительства. А это важный оплот – таковых оставалось с каждым месяцем все меньше.

– Мы сохраним наших братьев живыми, – сказал Хайбибула. – И снова возьмем город. А если все погибнем здесь, то не возьмем уже ничего.

– Мы разоружимся. А они разбомбят наши колонны, – еще шире улыбнулся Бешеный Кабан.

– Этого не будет. Они всегда выполняли подобные договоры.

– Благодаря этим договорам мы потеряли половину наших территорий и вскоре окажемся в пустыне, где нас легко можно перешелкать с вертолетов!

– И все-таки мы сделаем это, – как можно более спокойно произнес Хайбибула.

– Никто меня не заставит сделать это! – воскликнул Кабан.

– Ты подчиняешься Большому совету, Хасани. И ты много на себя берешь, – грозно нахмурился Хайбибула. – И вообще, кто стоит за тобой? Тебя Большой Имам лично назначил своим наследником?

– Мне подчиняются его люди, и этого достаточно! – презрительно процедил Кабан.

– Только часть людей тебе подчиняется. А еще больше ищут, к кому перебежать.

– Мои люди будут со мной!

– Мы сдаем город, – хлопнул себя по колену Хайбибула.

– Да? Ты думаешь, так трудно сорвать ваши договоренности с неверными? Достаточно пары снарядов... Нет, Хайбибула, мы будем биться до последнего. И сдохнем здесь, перелом-

мив хребет врагам. Этого хотел Большой Имам. Этого хочу я. Этого хотят мои люди. И вы не заключите этот шайтанов договор.

– А со своих ли ты слов поешь, Хасани? – внимательно посмотрел на собеседника Хайбибула.

– Моими устами вещает сам Аллах.

– Твоими устами говорят неверные из-за океана! – не выдержав, вступил в разговор Зияульхак. Он вскочил, подбежал к Кабану и навис над ним – тощий, сгорбленный, как вопросительный знак, и очень свирепый. – Ты выдал себя, Хасани! Это американцам надо, чтобы мы здесь сдохли! Им не нужна наша победа! Им нужно, чтобы мы все больше убивали друг друга! И Большой Имам пел с их голоса!

– Да? – Глаза Кабана наливались кровью. – А хотя бы и так. Неужели ты думаешь, что мы продержались бы сами? Что, боеприпасы берутся из воздуха? Война – это озеро, которое питают реки оружия и денег. Неужели ты полагаешь, что без покровительства Америки у нас было бы хоть что-то? Что наши саудовские друзья были бы такими друзьями? Что мы не скрывались бы сейчас в горах, боясь высунуть нос? Ты правда настолько глуп?

В общем-то, Кабан говорил очевидные вещи. Если окончательно испортить отношения с американцами – не будет тогда ни оружия, ни денег, вообще ничего. И Халифат имеет все шансы сдуться бесповоротно и быстро. Вот только упускал он из виду одну существенную деталь – в Халифате начали брать верх фанатики, для которых одно упоминание США звучало громогласными трубами священного джихада. Соединенные Штаты являлись главным пугалом, символом сатанинской власти Запада.

– Америка – большой шайтан. Ты – сын шайтана. И упоминание Аллаха в твоих устах – кощунство, – с каким-то злобным удовлетворением произнес Зияульхак, относившийся как раз к таким фанатикам. – Ты больше не командир. Твои люди разоружаются. Большой совет решит твою судьбу!

С Большим Имамом он не посмел бы так говорить. Но Кабану было далеко до авторитета и значения своего предшественника, и в глубине души он сам это понимал.

Зияульхак развел ладони, чтобы хлопнуть в них. Понятно – это был знак. Сейчас в комнату ворвутся бойцы, пленят Кабана. Разоружат его людей. А потом его повесят. Отрубят голову. Или зажарят на стальном листе, как недавно зажарили двоих сочувствующих правительству местных жителей.

Кабан ослабился еще сильнее – улыбка у него была, как у голодного шайтана. И ударил себя по нагрудному карману, где скрывалась небольшая коробочка.

Оглушительный грохот на секунду вогнал в ступор всех присутствующих.

Этого времени хватило, чтобы Кабан выхватил свой антикварный нож.

Острое, отточенное лезвие рассекло горло Зияульхака.

Глава 9

Да, тяжела доля перебежчика. Подполковнику Сотникову пришлось долго трястись в тесной потайной нише в длинном трейлере, наполненном упаковками пластмассовых бутылок с газированной водой и кока-колой. Несмотря на боевые действия, грузовики продолжают колесить по дорогам Сирии, поскольку экономика работает, торговля идет и, значит, по транспортным артериям страны нужно перевозить грузы. Вперед, под обстрелами, мимо правительственных блокпостов и бандитских заслонов, как когда-то на галеонах мимо пиратских островов, везут купцы свои товары. Тяга человека к торговле неистребима.

В жестяной вибрирующей душной коробке было жутковато. Пассажиру казалось, что его заперли сюда навечно. Была реальная опасность, что на каком-нибудь из блокпостов в ходе проверки найдут тайник, но те, кто отправлял его, заверили, что у них все схвачено.

После пяти часов поездки Сотникова освободили. Ощущая под ногами твердую землю, вдыхая теплый воздух, подставляя лицо солнцу и не изнывая от тряски, он думал, что жить все-таки хорошо, но только если ты не стиснут в жестяном пенале.

Потом было путешествие на двух джипах с риском попасть под удар авиации или напороться на рейдовые подразделения сирийской армии, курдов, свободной оппозиции или ничейных бандитов. Хотя сопровождающие самонадеянно заверяли Сотникова, что и здесь у них все тоже схвачено и заплачено, он, прекрасно зная обстановку в этих местах, подобным заявлениям не слишком доверял.

Мимо проносились унылые, обрамленные колючим кустарником холмы, мелкий песок проникал даже сквозь закрытые окна и хрустел на зубах, тер кожу за шиворотом. Машина жестко подпрыгивала на ухабах, и тогда водитель смеялся и вжимал еще сильнее акселератор. Сидящие на заднем сиденье моджахеды тоже все время ржали как лошади. А Сотников печально думал о том, что он все-таки слишком слился со штабным креслом. Подобные гонки наперегонки со смертью были в его прошлом, пусть бурном, но слишком далеком. А теперь его бросало то в жар, то в холод, и в груди тревожно колотилось сердце. И ему было неуютно от мыслей о том, что его ждет на новом месте. Все-таки рубить канаты – это очень тяжело. Ощущаешь себя рыбой, выброшенной на лед. Впереди – темная неизвестность.

Иногда подполковник ловил на себе косые взгляды своих сопровождающих и думал – а не приказано ли им довести его до следующего пригорка и грохнуть. Но он отводил от себя эти мысли. Грохнуть его могли давно, к чему все эти трудности? Нет, это глупость. Да вот только грохнуть его никогда не поздно.

Все-таки Сотников надеялся на лучшую долю. Пусть его цена и сильно упала по сравнению с той, что была, когда он оставался на своем месте. Но она далеко не нулевая. Много для чего можно использовать перебежчика. Главное, встретиться с теми, кто принимает решения. И начать говорить. Разговор – это его стихия. Он умеет говорить и убеждать. Когда есть вербальный контакт, он сможет поставить себя на должную высоту. Гораздо хуже, когда никто ничего не говорит. Или когда говорит оружие.

Сотникову есть что предложить новым хозяевам. Есть актив, который позволит ему не только занять определенное место, но и прибавить нолики к счету, открытому американцами на его имя сразу после согласия на сотрудничество с ними.

Вопреки опасениям, дикое поле джипы пересекли без каких-либо проблем. Они успешно выбрались в не контролируемый никем приграничный район, через который перемещались грузы, переходили боевики.

Машины остановились на большой каменистой ровной площадке. Через полчаса послышалось тарахтение двигателя. И вскоре на площадку приземлился вертолет «МН-60G Pave

Hawk», используемый военно-воздушными силами США для заброски и эвакуации разведгрупп, а также поисково-спасательных операций.

Здоровенный янки в камуфляже без знаков различия, бронежилете, каске и черных очках, жующий жвачку, – классический тип бравого вояки, сверху вниз посмотрел на Сотникова и осведомился лениво:

– Зеленое солнце?

– Как во сне.

Это были условные слова, которые, как все пароли и отзывы, звучали совершенно по-идиотски.

Янкес сплюнул и кивнул:

– В вертолет. Быстрее!

И после этого больше не проронил ни слова, будто не замечая гостя.

В вертолете было еще четверо вояк в полной экипировке, со спецназовскими автоматами «НК 416». Янки бесцеремонно разглядывали Сотникова – кто с любопытством, кто с раздражением и презрением. Но подполковнику было на них наплевать. Что они мнят о себе – это их личное дело. На самом деле они просто пушечное мясо, хоть и граждане самой демократичной державы на Земле. Они не игроки. А он игрок. И сделает все, чтобы оставить за собой этот статус.

Сотников устало прикрыл глаза и не обращал больше ни на кого внимания, провалившись в полудрему.

Через час полета вертолет пошел резко вниз. Шасси стукнулись о бетон вертолетной площадки. Вокруг шли длинные приземистые здания, напоминавшие бараки, а дальше – забор со спиралью Бруно. Место очень напоминало тюрьму. Не сильно оживляли вид широкая клумба с яркими цветами и две пыльные пальмы.

Сотников отлично знал, что это за место. Не раз видел спутниковые снимки. Тут, в окрестностях приграничного с Сирией города Аль Кариб, располагалась база цэрэушной конторы – частной военной компании «Группа АНТ», а также склады Красного Креста и благотворительной организации «Открытая планета», тоже являвшейся дочерней организацией ЦРУ.

Под конвоем Сотникова провели на последний этаж невзрачного трехэтажного бетонного здания, в просторный старомодный кабинет с деревянным глобусом в центре.

В крутящемся массивном кресле сидел главный агроном этого колхоза Дункан Батлер. Они встречались всего один раз, в Иордании. Тогда Сотников, сделавший ошибку и ознакомившийся с компроматом на себя, даже не особо раздумывая, дал согласие работать на ЦРУ. Как и в ту встречу, американец расплылся в широкой простоватой улыбке туповатого фермера.

– Арсен, – переименовал Батлер на свой лад русское имя Арсений. – Друг мой, вы не представляете, как я счастлив снова видеть вас. Но мне очень хотелось бы знать о причинах такого праздника на моей улице. – Улыбка не поблекла, но глаза стали жесткими.

– Я засыпался, Дункан. И вспомнил, как вы любезно обещали мне убежище.

– Как это произошло?

– Последняя моя информация о заброшенной разведывательной группе оказалась проверочным тестом контрразведки.

– Еще интереснее... А теперь, Арсен, подробно. Ничего не упуская. Максимально точно... С пониманием, что от этого зависит не счет в банке.

– Свобода?

– Жизнь, Арсен. Жизнь. От своих вы ушли. А к нам еще не пришли. Вас нет.

«Ну да, – подумал Сотников. – Выстрел в затылок, в песчаный карьер – и никаких проблем и разбирательств».

– Докажите свою искренность. – Улыбка американца стала похожа на злобный оскал. – Я слушаю...

Сотников очень подробно поведал о своих мытарствах. Батлер слушал, иногда задавая наводящие вопросы, но старался не перебивать. Он сочувственно улыбался, кивал. Отхлебывал ароматный кофе, который принес на подносе один из громил в униформе ЧВК. Гостю предложить ничего не удосужились.

Разговор занял минут сорок. Потом Батлер резко произнес:

– Мне нужно время на раздумья. А вам на адаптацию. Надеюсь, мы еще увидимся.

Он радушно потряс гостю руку, и громилы увели Сотникова прочь.

А потом началась утомительная свистопляска. Какие-то коновалы с эмблемами «Врачи без границ» долго осматривали русского гостя, делали рентген, лазили в рот. Понятно, искали закладки – что-нибудь типа яда в коронке или вшитых имплантатов. Заодно оценили его состояние здоровья как вполне удовлетворительное, если не считать тахикардии и немного повышенного давления, а также признаков переутомления. Сделали ему укрепляющие витаминные уколы. И передали обратно в руки громил.

Те заперли его в глухой комнате с кроватью, умывальником и унитазом – скорее всего, это место было чем-то вроде местной гауптвахты. Там он пробыл до утра. Потом его перевели в другую комнату – побольше, со стульями, столом, телевизором под потолком, но тоже без окон, дверей и с крепким засовом. Начались допросы. Час за часом. В основном касались они его провала. Дознаватель – приветливый молодой человек с замашками дорогого адвоката, вытягивал малейшие подробности. Когда у пленника уже не ворочался язык, делался небольшой перерыв. А потом все начиналось сначала.

На следующий день это продолжилось. Опять те же самые вопросы, бесконечные уточнения – в расчете на то, что он сообразит.

Потом в камеру принесли европейскую одежду – джинсы, рубашку, туфли. Все идеально подогнано по размеру, простенькое, но чистенькое и ненадеванное – уже хорошо. Сотников переоделся, и громилы отвели его в кабинет к боссу.

– Ну что, Арсен, – Батлер побарабанил по столу пальцами, внимательно смотря на русского. – На данном этапе будем считать, что вы убедили меня в правдивости своей версии.

– Событий, – поправил его Сотников.

– Версии, Арсен. Событиями я считаю только то, чему был свидетелем сам. Все остальное для меня версии.

– Для меня, к сожалению, это событие.

– Не будем спорить, компаньон. Все равно осталось кое-что непонятным. Русская группа спецназа отследила, что мы взяли наживку. Зачем они ликвидировали наших людей, сильно рискуя при этом своими шкурами, вместо того чтобы тихо покинуть место?

– Они выяснили главное. И решили получить бонус в виде пары американских голов.

– Скальпов, – усмехнулся Батлер и задумчиво потер свой подбородок – его любимый жест, при этом лицо его осунулось, улыбка пропала. Потом он будто очнулся и, опять улыбнувшись, посмотрел на гостя. – Как вы понимаете, партнер, ваши котировки после всего произошедшего сильно просели.

– Понимаю. Но у нас были договоренности.

– Договоренность – это баланс сил и возможностей. К сожалению, сейчас он не в вашу пользу.

– Вы прекрасно знаете, насколько заманчиво иметь такого консультанта, как я.

– В какой-то мере вы правы, Арсен. В какой-то мере.

– Или пропагандиста.

– Тоже верно, – Батлер вызывающе зевнул. – Обещаю изучить эти ваши предложения.

Он демонстрировал уже без всякого стеснения, что собеседник перестал быть ему интересен.

– И если вас не интересует архив Большого Имама, – равнодушно произнес Сотников.

Батлер с нотками угрозы произнес:

– Этим архивом ваше начальство подманило, как морковкой, моих людей. И из-за этой дезинформации погорели вы. Что вы еще можете мне сказать такого, чего я не знаю об этом?

– Теперь вы в курсе, что русская разведка знает об архиве и сделает все, чтобы его найти.

– Да, мистер Сотникофф, – произнес Батлер, на американский манер растягивая окончание русской фамилии. – Я думаю, они лоб расшибут, чтобы забрать его себе.

– Так же, как и вы, компаньон, – последнее слово Сотников произнес с иронией. – И начинается нормальная здоровая конкуренция – кто успеет первым. Вы же, американцы, любите здоровую конкуренцию.

– Плохо вы знаете американцев. Мы любим, когда реальных конкурентов нет вообще. И мы любим побеждать. И рано или поздно побеждаем. Всегда.

– Это одна из причин, почему я с вами связался.

– Вы забыли про деньги, которые мы вам исправно платили.

– Деньги – пыль... Хотя, конечно, лучше в ней купаться, а не глотать ее.

– Глотать пыль? – не понял Батлер. – Зачем?

– Это русская поговорка...

– У нас не семинар по филологии, мистер Сотникофф. Время – деньги.

– Я знаю, как опередить русскую разведку.

У Батлера аж заострилось лицо, и он стал похож на крысу, почуявшую запах сыра.

– Один мой человек утверждает, что имеет отношение к архиву, – продолжил перебежчик.

– Почему молчали раньше? Тогда я бы не потерял своих людей.

– Получил эту информацию только перед отходом.

– Как найти вашего человека?

– Проще простого. Надо лишь добраться на территорию, контролируемую бандой Бешеного Кабана. Вы же имеете отношение к этим милым борцам за свободу...

Батлер задумчиво побарабанил пальцами по столу. Встал, открыл бар-глобус, извлек бутылку виски и два бокала. Наполнил их. Один протянул Сотникову.

– Ну что же, выпьем за успех...

Глава 10

Книжник должен был уйти давно – сразу же после гибели Большого Имама. В банде не слишком любили этого невысокого худощавого человека с густыми черными волосами, отличающимися сединой, и чаще державшего в руке небольшой томик Корана, чем автомат. Слишком умными и жесткими были его глаза, слишком прислушивался к его советам хозяин. Теперь жизнь его зависла на ниточке.

Он знал, что так будет. Но сразу бежать не удалось. А потом Кабан со своими людьми отправился убивать неверных в Бекрай, куда тогда еще можно было попасть относительно свободно. Сейчас тысячи моджахедов заперты в этом городе в ловушке. А сам Кабан, можно сказать, всеми четырьмя копытами угодил в капкан.

На людях Кабан так рьяно и слезно клялся в верности памяти Большого Имама, что невольно закрадывались сомнения в искренности его слов. Так же искренне он клялся в том, что почтенный Закария Салах его друг и брат и что будет и дальше советчиком и помощником, по причине его мудрости и глубокого знания заветов Пророка, ведь недаром же он получил прозвище Книжник. Понятно, что ни одному слову этого лживого шайтана верить нельзя. Иначе придется поверить, что именно из-за братской любви он приставил к своему любимому «советчику и помощнику» вон тех троих головорезов.

Понятно было, что Кабан держит Книжника под контролем, опасаясь, что тот снюхается с его конкурентами или сбежит со всеми секретами. Присматривал за ним, но пока не трогал. Были некоторые обстоятельства, которые делали из Книжника ценную фигуру в хитросплетениях внутренних интриг Халифата. Впрочем, не настолько ценную, чтобы не пожертвовать ею для какой-то цели или просто под настроение.

Сейчас как никогда Книжник ощущал дыхание в затылок холода смерти. Все против него – и вражеские самолеты, бомбящие город, и соратники. Но хуже всего то, что Кабан, в отличие от Большого Имама, туп и недалек. Он не способен договариваться, зато отлично сумел разругаться со всеми полевыми командирами в Бекрае. Да еще степным пожаром разгорались слухи о его близких связях с американцами, и у правоверных росло недовольство. Вместо того чтобы пытаться погасить этот пожар, Кабан вел себя все более самонадеянно. Как результат – от него начали уходить целые подразделения. Вчера откололись египтяне, а это верные люди, доблестно прошедшие всю войну. И это еще не конец.

Книжник кожей чувствовал надвигающуюся грозу. Меряя шагами потрескавшийся бетон на площадке перед трехэтажным зданием администрации мебельной фабрики, он физически ощущал, что у него остаются уже не часы, а минуты. Кабан ведь ни о чем не договорится с полевыми командирами, собравшимися здесь на военный совет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.